

АЛЕКСАНДР АННИН

ЧАС МАТАДОРА

В романе «Час Матадора» читатель вновь встречается с героями романа «Тень акулы» — операми убойного отдела Максимом Басовым по прозвищу «Карлсон» и его молодым напарником Алексеем Матушкиным («Малыш»). На этот раз друзья расследуют убийство на лодочной станции, все более и более погружаясь в запутанные интриги среди представителей так называемого высшего общества.

Здесь и банковские аферы, и махинации в сфере профессионального спорта, и сведение старых личных счетов... А также — сводящая с ума ревность, зависть, мстительность, жажда самоутверждения, присущие, в той или иной мере, не только антигероям романа, но и главным, положительным персонажам.

На помощь оперативникам неизменно приходит смекалистая жена лейтенанта Матушкина. Но до последнего момента от всех остается скрытым тот факт, что за кулисами всего этого brutального, волнующего действия стоит inferнальная фигура зловещего академика Ардашкина, который обратил свой научный гений во зло...

Александр Аннин

ЧАС МАТАДОРА

Пролог

— Заключенный Пищик! Подъем!

Гена заворочался в своей койке, разлепил веки. Сквозь зарешеченное окно небольшой комнатки в административном корпусе исправительно-трудовой колонии пробивалось сентябрьское утро. Часов восемь, наверное... Этой ночью Гена опять никак не мог уснуть, закемарил только с рассветом, и теперь в затылке тянула тупая тяжесть, будто комок запекшейся крови.

— Заключенный Пищик!

В деревянную дверь забухал увесистый кулак.

Вот сволочь... Новенький вертухай с каким-то садистским наслаждением именовал его «заключенным», в отличие от всей прочей администрации лагеря, давно уже звавшей Гену по имени. А этот говнюк никогда не забывает лишний раз напомнить Пищику, что хоть и живет он не в вонючем бараке, а в отдельной, цивильной комнате, ест чуть ли не с руки начальника колонии, разгуливает в джинсах и спортивной блузке, а все равно — зэк, и за всю жизнь не вытравить этого унижительного клейма, этой позорной отметины...

— Пошел вон! — крикнул Гена и натянул на голову тонкое шерстяное одеяло.

— Ах, так? — вертухай распахнул дверь, но внутрь войти все-таки не решился. — Щас, гнида, вскочишь, как миленький...

Гена понимал, что надо вставать, начальство, наверное, уже на поле, негоже портить отношения. Но выполнять команды этого ничтожества Пищик не собирался.

Вошел заместитель начальника по режиму, плотный сорокалетний дядька в тренировочном костюме и со свистком на груди. Сел на кровать рядом с Пищиком, легонько положил свою ладонь на грудь Гене.

— Что, брат, тошно? — тихо спросил замнач.

Гена отдернул с лица одеяло:

— Да нет, гражданин начальник, все в порядке, вот только не выспался...

— А вот это напрасно! Ты же знаешь, сегодня финальная игра против хабаровцев, мы просто обязаны победить. И ты, Гена, наша главная надежда и опора, ё-моё!

Пищик рывком сел на кровати, потер лицо.

— Давай, Гена, дуй умываться, — похлопал его по плечу главный тренер лагерной команды. — Тренировка уже началась, через четыре часа матч. И помни: если наша колония станет первым чемпионом России, похлопочем о твоём досрочном

освобождении.

— Есть, гражданин начальник.

— Перестань, Гена! Я же сказал, называй меня Игорем Михалычем...

В этом году впервые в отечественной истории проводился чемпионат по футболу между командами сотрудников российских колоний. Это было чисто политическое решение: таким образом российская исправительная система хоть в чем-то приходила в соответствие с цивилизованными стандартами. Правда, в Европе и Америке мяч гоняли сами заключенные, но в российских лагерях это было бы, извините, слишком.

Гена Пищик, бывший опорный полузащитник московского клуба «Дружба», бывший кандидат в сборную России по футболу, выступал под именем надзирателя Виктора Трухно. Сам Трухно, оплывший жиром гигант, не смог бы даже подтянуться на турнике, не то что с толком пробить по воротам.

Гена быстренько сделал несколько отжиманий и поплелся в умывальню. Конечно, они выиграют сегодня, раз победа в чемпионате способна приблизить его освобождение.

Глава первая

Так, для начала — затаить дыхание,

прислушаться к себе. О`кэй, похоже, все в порядке. Никаких признаков мандража, ни намека. Да и с чего бы ему взяться, мандражу-то? Задача предстоит не ахти какая сложная. Прямо сказать, детская задача. Впору ну разве что необстрелянному новичку, да и то в качестве первой проверки на вшивость. А для такого поднаторелого бойца, как Станок, дельце аж до обидного плевое.

Он неслышно прикрыл дверцу «Нивы», сделал несколько шагов в осеннюю ночную прохладу. Вот и ограда из проволочной сетки рабица. Станок, несмотря на свой стакилограммовый вес, легко перемахнул через нее, опершись руками о каркас из металлического уголка. Снова прислушался, на сей раз не к своему внутреннему состоянию, а к прохладной тишине. Вытащил из подплечной кобуры свой излюбленный ППС — пистолет-пулемет Стечкина — четкими движениями прикрутил к нему узкую трубку глушителя (сделан на заказ, знакомый слесарь Данилыч, прозванный урками Данилой-мастером, расстарался). Прочно расставил чуть согнутые в коленях ноги, двумя руками поднял оружие на уровень глаз, сдвинул предохранитель. Он знал, что ждать придется недолго — ну, от силы, еще несколько секунд.

Уже за два дня до сегодняшнего визита

Станок начал внимательно наблюдать за лодочной станцией «Русалочка», что расположилась на северо-западной окраине столицы. Затаившись в перелеске и нацелив на игрушечные строения базы отдыха тридцатикратный бинокль, он скоренько выяснил, что охраняется станция довольно надежно. С другой стороны, была у этой надежности и своя изнанка, которая позволяла Станку особенно не беспокоиться об успехе. И теперь, напряженно вглядываясь в ночь, боец был готов к внезапному появлению быстрых, как молния, «стражников».

Первый появился бесшумно, распластавшись в полете черным зигзагом. Станок даже не вздрогнул, лишь «стечкин» дернулся в его руке, издав звук бултыхнувшегося в воду камешка.

Он наклонился над трупом огромного черного дога, невольно вздохнул, глядя, как мертвеет в свете луны налитый кровью глаз псины-убийцы. Жаль, конечно, такой славный кобелина... Вот она, известная каждому собачнику слабина догов: они обычно нападают без лая и рыка, и если удастся одолеть этих бестий, хозяева не всполошатся.

Почему-то вспомнилось, как в детстве он выхаживал большую дворнягу, попавшую под машину. Этого уже не выходишь... С ранних лет у Станка было два пристрастия — собаки и огнестрельное оружие. И вот теперь, на тридцать

втором году жизни, он впервые пристрелил собаку. На душе стало как-то пакостно...

Но где же второй «охранник»? Они всегда «патрулировали» базу отдыха на пару. Станок выпрямился, и в тот же миг на него обрушилась лавина из железных мускулов. Еще один дог, будто падающее бревно, свалил его на землю. В полете Станок успел вывернуться и, словно ножом, ткнул глушителем в горячее подбрюшье пятипудовой твари. Чавкнул выстрел, Станок выпростался из-под обмякшей туши, какое-то время постоял на четвереньках. Прислушался. Вроде все спокойно, лишь цикады стрекочут где-то в ночи.

Стоп. Какие к черту цикады в сентябре? Хм, да это же кровь у него в ушах звенит. Ладно, пора заканчивать дело.

Небольшой беленый коттедж с охряной крышей из металлочерепицы был погружен в сон. А вот и массивная входная дверь, похоже, бронированная. Если прикрепить магнитную мину аккуратно по центру двери, то после детонации взрывная волна прошьет жиденькую броню, сметет все на своем пути в помещениях первого этажа... Пламя тут же охватит комнаты. От взрыва дверь перекосит, и те, кто находится в коттедже, не смогут открыть ее, чтобы спастись от пожара. А окна на первом этаже забраны мощными решетками. Люди ринутся на второй этаж,

задыхаясь в ядовитом дыму, и вот уже горящие факелы человеческих тел вываливаются из верхних окон... Остается лишь добить их из пистолета.

Жаль, что все это — лишь плод небогатой фантазии Станка, рядового исполнителя воли хозяина. В действительности босс поручил ему куда более скромное задание — взорвать добротный причал лодочной станции. И строго-настрого приказал не трогать владельцев базы. Пока не трогать. Видимо, еще надеялся договориться по-хорошему. Ерунда какая! Война есть война, и побеждает в ней тот, кто стреляет первым.

Станок подошел к кромке берега. Черная гладь водохранилища пестрела отсветами лунной дорожки, упиравшейся в деревянный причал. Ночной визитер разулся и ступил в ледяную воду. Только бы не было на илистом дне битых бутылок, ржавой арматуры или прочего хлама.

Холод просто собачий, не май месяц. Осень — плохое время для купания. Станок бережно достал из-за пазухи сверток — это была круглая магнитная мина. Недешевая штучка. Во всяком случае, обошлась боссу куда дороже, чем стоит причал. Вот уж действительно — игра не стоит свеч. Не умеет Антон Евгеньевич считать денежки. Но, как говорится, хозяин — барин.

Станок вполголоса матюгнулся. Куда, скажите на милость, он присобачит эту магнитную

дуру, если причал сплошь сделан из дерева? И вообще, какого лешего взрывать дощатую конструкцию? Не проще ли поджечь? А за сэкономленную «игрушку» можно потом выручить недурственные деньжата. Через того же мастера Данилыча.

Станок решительно выбрался на берег, отер босые ноги о пожухлую траву, быстро обулся и направился к поблескивающему в темноте лодочному ангару из рифленого железа. Недолго повозившись с запором, он вошел в прогретую за день утробу марсианского строения, включил фонарик, и синий луч заплясал по стенам. Кругом моторки, весла, две спортивные яхты. А вот и горячее.

Он подхватил две тяжеленные канистры и вернулся к причалу. Обильно полил настил, зашвырнул канистры далеко в воду. Чиркнул зажигалкой...

Станок не видел да и не мог видеть своим невооруженным взглядом, что все то время, пока он колдовал у причала, за ним неотступно следил объектив инфракрасной видеокамеры, способной четко фиксировать картинку даже в полнейшей темноте.

Забираясь на водительское сиденье «Нивы» и оглянувшись назад, Станок различил лишь багровое зарево, сливавшееся с лунной дорожкой на темной

воде.

Со стороны коттеджа слышались хлопки дверей, бухнули два ружейных выстрела. Станок ухмыльнулся и погнал в сторону Путилковского шоссе.

Глава вторая

Президент и главный тренер футбольного клуба «Дружба» Антон Званцев приказал водителю «джипа» тормознуть возле приземистого, но весьма импозантного строения с вывеской «Бар. Бильярд». Кивнул своим телохранителям Станку и Фонтану, чтоб они оставались в машине, а сам вылез на аккуратно постриженный газон. Потянулся, разминая кости.

Да, место здесь действительно замечательное. И где были раньше его глаза? Всего каких-то восемь-девять месяцев назад он мог приобрести этот прибрежный участок за символические деньги — связи Антона Евгеньевича в московской мэрии и городской думе были всем известны. Тогда, минувшей зимой, на этом месте располагались ветхие строения убогой муниципальной лодочной станции. Но Званцев все откладывал покупку «на потом» и вот дождался... Скупой платит дважды, а медлительный — трижды.

К новым хозяевам «Русалочки», сумевшим

вовремя подсуетиться и отхватить лакомый кусок, на кривой козе не подъедешь. Альберт Жучинский и Рубен Ходжян в конце минувшего года за какие-то считанные дни оформили свои права на владение лодочной станцией, так что Званцев не успел не только вмешаться, но даже и глазом моргнуть. Он просто был поставлен перед фактом. Поезд ушел, и теперь придется его догонять.

Ничего не скажешь, хваткие мужики эти Жучинский и Ходжян. Похоже, и с деньгами у них все в порядке. За какие-то полгода вместо утлых строений муниципальной базы отдыха на берегу водохранилища появился стильный коттедж с черепичной крышей. Возле кромки воды — русская банька и сауна, поодаль, метрах в тридцати — просторный лодочный ангар, а на пригорке — бар с бильярдной. Званцев слышал, что Жучинский планирует построить здесь и небольшой, но весьма дорогой мотель.

Ну а какое, собственно говоря, дело главному тренеру футбольного клуба до чьего-то процветания? Да самое что ни есть непосредственное, потому что спортивная база неоднократного чемпиона страны, клуба высшей лиги «Дружба» раскинулась по соседству с «Русалочкой». Уж сколько раз за последние годы второй тренер «Дружбы» Павел Семибратов говорил Званцеву, что надо поторопиться с

приобретением лодочной станции, округлить, так сказать, владения. Но Антону Евгеньевичу было неприятно внимать советам Семибратова — отношения между тренерами так и не сложились. Званцев даже подумывал выставить Семибратова из команды, но Павел Иванович был действительно классным футбольным специалистом, и с этим волей-неволей приходилось считаться.

А вот и сам Альберт Васильевич Жучинский, этакий колобок с масляными глазками, стоит на пороге бара и радушно приветствует господина Званцева. Лукавит, сволочь, ведь наверняка понимает, кто устроил ночной пожар... И Званцев с удовлетворением посмотрел на обуглившиеся сваи, торчащие из воды.

— Почтение дорогому гостю, — промолвил Жучинский, приглашая Антона Евгеньевича в полусумрак бара. — Может, для начала партию на бильярде, а?

— Не любитель я шары-то гонять, Альберт Васильевич, — дружелюбно отозвался тренер, присаживаясь за столик, где уже восседал младший совладелец «Русалочки» Рубен Ходжаниян. — Господа, я слышал, что минувшей ночью у вас случились серьезные неприятности?

55-летний Ходжаниян, стройный армянин с трехдневной серебристой щетиной, сощурил свои ледяные глаза, а Жучинский снисходительно

рассмеялся:

— Вы не поверите, Антон Евгеньевич, но если бы я узнал, кто сжег причал, то выдал бы ему премию. Дело в том, что я сам собирался со дня на день ликвидировать эту насквозь прогнившую древность. Собираюсь построить нечто вроде железного пирса, чтоб удобно было парковать водные велосипеды, моторки, яхты... Вы случайно не знаете, кому я обязан столь существенной помощью в осуществлении моей задумки? Нет? Жаль, жаль... Кстати, а вот псов моих мне действительно очень и очень жалко. Вот за них бы я и в самом деле поквитался сполна, — Жучинский поджал губы, его узкие глазки превратились в две стальные бритвы.

«Издевается, гнида, — со злостью подумал Званцев. — Причал был очень даже ничего, а строительство нового пирса влетит в копеечку...» Вслух же Антон Евгеньевич произнес:

— Ну, что касается собак, тут я вполне разделяю вашу скорбь — сам, знаете ли, большой любитель животного мира. Есть у меня один хороший знакомый, держит что-то вроде псарни. Я звякну ему, он пришлет вам двух отборных догов с прекрасной родословной взамен застреленных.

— Надо же, вы даже знаете породу наших сторожевых псов, и даже то, что их именно застрелили, — с наигранным изумлением протянул

Ходжанян.

Антон Евгеньевич Званцев, впрочем, нимало не смутился:

— Господа, давайте все-таки к делу. К серьезному делу, я имею в виду. Насколько я понимаю, вас не устраивает предложенная мной сумма? Ну что ж, это ведь предмет для дискуссии, я готов рассмотреть ваши запросы.

— Вам, похоже, лавры Петра Первого покоя не дают, — сказал Ходжанян чуть насмешливо. — Мечтаете, как он, прорубить окно к водичке? Ведь, насколько мне известно, территория вашей спортивной базы не имеет выхода к водохранилищу.

Званцев с деланным равнодушием пожал плечами — дескать, все это не так уж и важно.

— Наша станция скоро превратится в самый престижный яхт-клуб столицы, — продолжал Ходжанян. — Причем база отдыха будет круглогодичной. Мы собираемся закупить снегоходы. И продавать «Русалочку» сейчас, когда мы вбухали в развитие огромные средства, у нас нет никакого желания.

— Вижу, что вы серьезно вложились, — кивнул тренер. — Но, сами понимаете, окупаться эти затраты будут долгие годы. И потому у меня есть еще одно, так сказать, компромиссное предложение. Вы ведь мотель собираетесь строить,

верно? Я могу стать долевым участником строительства, то есть вашим полноправным компаньоном. Готов инвестировать значительные суммы. Предложение серьезное, господа.

— Мы подумаем, — глумливо ответил Жучинский.

Званцев едва сдержал приступ бешенства.

— Думайте, хорошенько думайте, — сквозь зубы процедил тренер. — А то как бы вам не пришлось заново отстраивать не только причал, но и кое-что еще.

Он вышел, хлопнув дверью. Когда «джип» выехал с территории «Русалочки», Станок брякнул:

— Хозяин, мочить их надо, и дело с концом.

— Тебе бы только мочить, маргинал бритый! — дал волю своему раздражению Антон Евгеньевич. — Хотя, может, и придется. Но мочить тоже надо с умом, если уж без этого никак не обойтись.

Званцев почувствовал столь знакомый ему прилив энергии и жажды действия. Что ж, так и должно быть: в ответственные моменты тренер умел мобилизоваться, собраться в кулак, как пенальтист перед пробитием одиннадцатиметрового. Антон Евгеньевич как-то прочитал высказывание Наполеона, которое ему жутко понравилось: «Я не сторонник развязывания войны, более того, я до самого последнего момента

всегда против начала боевых действий; но уж если сражение начато, то его нужно выигрывать любой ценой».

Именно это кредо главного тренера и сделало в свое время команду «Дружба» острой, опасной для любого соперника. Званцев постоянно внушал игрокам, что если начли атаку, то она обязательно должна заканчиваться ударом по воротам. Забил — молодец, не забил — тоже ничего, в другой раз повезет больше. Атака без удара — вот уж это действительно студень какой-то, а не атака...

Глава третья

— Он не отвяжется, — пробурчал Ходжанян, глядя вслед удаляющемуся «джипу». — Надо что-то предпринимать, Альберт. Может все-таки...

— «Русалочку» продавать нельзя, — твердо заявил Жучинский. — Какой смысл? Чтоб потом снова искать объект для вложения денег? Тут мы уже пустили корни, все на мази. И уверяю тебя, перспективы очень даже неплохие.

— Знаю, — с досадой бросил Рубен Григорьевич.

Он достал из нагрудного кармана видеокассету и аккуратно положил его перед старшим компаньоном.

— На, посмотри на досуге.

— Что это? — поморщился Жучинский.

— Видишь ли, я был готов к тому, что рано или поздно у нас будут такого рода неприятности и запасся инфракрасной видеокамерой. Здесь, на пленке, четко заснято, как причал сжигает один из подручных нашего дорогого тренера. Разумеется, улика не Бог весть какая, но все-таки кое-что... Авось пригодится.

Альберт Васильевич налил в бокал «Боржоми».

— Ну, что за страна такая! Все только и высматривают, как бы залезть на чужую грядку, причем уже окученную... Почему нельзя спокойно заниматься своим делом, черт возьми? Всю жизнь мотаешься с места не место, и нигде нет покоя...

Жучинский закурил. Поневоле вспомнились советские времена, когда он был заместителем генерального директора секретного НИИ Минобороны. Генеральный, академик Анатолий Ардашкин, взял Жучинского заведовать оргвопросами. То-то было времечко! Институт обильно финансировался из государственной казны, и Альберт Васильевич без труда сколотил себе весьма приличное состояние. Как и академик Ардашкин, между прочим.

Занимались в институте чем угодно, только не тем, что предусматривалось программой. А планировалось ни много ни мало, как создание

пресловутого психотронного оружия, способного заставить армии противника выполнять приказы советского командования. И надо же, маразматики из высшего руководства страны всерьез верили в такую возможность!

Лафа кончилась в 1991 году, а поводом для разгона НИИ послужил самый что ни есть тривиальный казус. Члены комиссии Минобороны, три генерала и два маршала, во время традиционной попойки выразили желание пригласить покладистых девушек. В институте к такому повороту были не готовы, и завхозу Рубену Ходжаняну пришлось в срочном порядке выписывать первых подвернувшихся провинциальных гейш из райцентра. А на следующий день, несмотря на все предупреждения, девчонки распустили языки, по городку поползли ненужные слухи...

Академик Ардашкин поручил Ходжаняну «закрыть» вопрос, и Рубен воспринял слова директора с предельной твердолобостью. Буквально через день в лесу были обнаружены трупы двух «юных натуралисток», принимавших участие в генеральской оргии. Началось следствие, история привлекла совершенно ненужное внимание к институту со стороны нового, перестроечного руководства партии и правительства. От Ардашкина быстренько отrekliсь все недавние

покровители — министр обороны, председатель КГБ... В результате НИИ расформировали, правда, по причинам финансово-экономического свойства: неоправданные затраты, отсутствие конкретных результатов. Хорошо, что из-за боязни международной огласки тогда не посадили всю «головку» учреждения.

Осенью 1991 года стало известно, что академик Ардашкин застрелился. Это событие стало тяжким ударом для Альберта Жучинского. Ведь он и Ардашкин уже успели развернуть совместный бизнес, открыли в Москве один из первых игорных клубов с претенциозным названием «Монреаль». Был в клубе и тайный бордель, пользовавшийся бешеной популярностью у новоиспеченных политиков и финансовых заправил.

После внезапного ухода из жизни своего благодетеля Альберт Жучинский оказался полностью отрезанным от своей доли: ведь все финансовые потоки контролировал непосредственно Ардашкин, причем академик и Альберт Васильевич тщательно конспирировали свое участие в делах клуба. Вот и доконспирировались — денежки, вложенные Жучинским в клуб «Монреаль», были для него безвозвратно потеряны. А директор «Монреалья», толстяк Егоршин, привлеченный как подставное

лицо, по иронии судьбы стал фактическим владельцем доходного клуба.

Альберт Васильевич разыскал старого друга Ходжаняна. «Железный армянин» помог ему снова встать на ноги, они наладили совместный бизнес. В конце 90-х Ходжанян и Жучинский возглавили политсовет новой радикальной партии «Сила Руси». Все шло к получению думских портфелей, но... Судьба нанесла свой очередной удар: непосредственно перед выборами вышли в свет мемуары бывшего следователя прокуратуры, который в 1991 году вел дело о кроваво-сексуальных преступлениях в секретном НИИ Минобороны. В книге были названы и фамилии Жучинского с Ходжаняном — как главных подозреваемых в расстреле девушек, развлекавших членов военной комиссии. Автора книги убрали на его даче, но было уже поздно. В результате убийственных разоблачений партия «Сила Руси» потерпела тяжкое поражение на выборах в Госдуму...

Ходжанян уехал в Ереван зализывать раны, а заодно попытался вступить в политические игры у себя на родине. После того, как его машину дважды обстреляли, Рубен Григорьевич почел за благо вернуться в первопрестольную.

Теперь уже Альберт Жучинский протянул руку помощи своему другу, взял его к себе

младшим компаньоном. К тому времени Альберт Васильевич уже приобрел «Русалочку» и развернул здесь реконструкцию. Организаторский и исполнительский талант бывшего институтского завхоза Ходжаняна оказался как нельзя кстати.

И вот — их опять гонят с насиженного места! На этот раз — могущественный главный тренер футбольного клуба «Дружба», о связях которого с российской и международной мафией давно поговаривают в спортивных и околоспортивных кругах. О Боже, дай покой...

И Господь услышал воздыхания Альберта Васильевича Жучинского.

Глава четвертая

— Малыш, если хочешь, могу одолжить тебе удочки. Погнали, брат, на водохранилище.

Подполковник Максим Басов уже предвкушал предстоящую рыбалку.

Такое странное начало рабочего дня не слишком-то удивило Малыша — так в МУРе прозвали долговязого и русоголового оперативника Алексея Матушкина. За два с половиной года службы в отделе убийств он привык к тому, что от подполковника можно ожидать всяких неожиданностей. («Ожидать неожиданностей» — здорово сказано, отметил про себя Алексей).

Что же касается удочек, то они у Максима Юрьевича всегда были под рукой. А точнее — в объемистом шкафу в их общем кабинете на Петровке, 38. Здесь, в коричневом несгораемом сейфе двухметровой высоты, хранился набор постельных принадлежностей, несколько бильярдных киев, шахматы... и — добротная рыбацкая амуниция: подсачники, садки, спиннинги, болотные сапоги, комбинезон и прочее снаряжение.

Басов частенько оставался ночевать в своем кабинете, с тех пор как много лет назад его жена сбежала с каким-то новым русским. Подполковника никто не встречал у домашнего очага, и для него понятие «ненормированный рабочий день» давным-давно стало нормой в абсолютном смысле слова.

Куда тяжелей приходилось старшему лейтенанту Матушкину. Сразу после наступления семи часов вечера он начинал тоскливо поглядывать на часы, ведь в восемь заканчивала работу его юная женушка Ирина. Обычно к этому времени Малыш встречал ее возле парикмахерского салона на Большой Дмитровке, где она и трудилась во славу женской красоты.

53-летний Басов годился Алексею в отцы, но, тем не менее, они общались между собой «на ты» — этим подполковник демонстрировал свое расположение к простодушному детдомовскому

парню. Максиму Юрьевичу двадцатишестилетний Алексей был обязан и своим прозвищем, которое приклеилось к нему с первых же дней службы в отделе. Дело в том, что еще за много лет до появления в МУРе Алексея Матушкина, коллеги прозвали подполковника Басова «Карлсоном». Как на пропеллере, мчался он к месту очередного убийства и с компьютерной четкостью расставлял все по своим местам буквально в считанные часы. Гений сыска пользовался необычайным авторитетом в столичных правоохранительных структурах, и постановление об аресте подозреваемого выносилось чуть ли не по первому его требованию. Раз Басов на кого-то указывает, значит, сомневаться не стоит. Жизнь подтверждала это многократно.

Низенький и слегка полноватый, с широким мясистым лицом и черной шевелюрой, Максим Юрьевич и обликом своим невольно напоминал мультяшного Карлсона — «мужчину в полном расцвете сил». Да и по характеру своему Басов здорово смахивал на комичного героя шведской сказки: самовлюбленный, но вместе с тем очень дружелюбный, Карлсон постоянно дерзил начальству и подтрунивал над младшими по званию, но выходило у него это всякий раз необидно. Бог знает, как ему это удавалось.

Так сложилось, что хотя Малыш формально и

не был подчиненным Карлсона, но за два с половиной года их привыкли воспринимать как тандем, как наставника и ученика. И Алексею льстило такое отношение. Еще бы! Мало кому выпадает честь быть напарником легендарного Карлсона.

Однако сегодня, похоже, Малыш не мог составить компанию подполковнику:

— Извини, Максим, я ведь не большой любитель рыбалки. Так что поезжай один. Ты, видно, отгул взял, а у меня полно бумажной работы.

— Чудак ты, брат! Какой еще отгул? Ты когда-нибудь слышал, чтобы кому-нибудь из нашего отдела отгул давали? Не считая похорон близких родственников? Просто надо уметь совмещать служебный долг с легкой расслабухой.

— Всегда готов! — оторвался от бумаг Алексей.

Неважно, что отчет так и так писать придется, главное — что не сию минуту.

— Вот и славненько, раз готов. Мы с тобой сейчас рванем на северо-западное водохранилище. Ночью там убили хозяина лодочной станции, некоего Жучинского Альберта Васильевича. Кстати, он мой старый знакомец. Я брал его за задницу еще в девяносто первом, когда расследовал серийные убийства московских и подмосковных

проституток. Правда, задница у Жучинского оказалась скользкой — вывернулся...

— Я все-таки не понял, а удочки зачем? — осторожно поинтересовался Малыш.

— А затем, что заодно я хочу проверить, действительно ли там все еще хороший клев.

И подполковник направился к своему заветному шкафу. Воспрянувший Матушкин скоренько собирал бумаги в сейф. Басов между тем облачился в куртку-штормовку, широкополую шляпу, брезентовые штаны и тяжелые, с рифленой подошвой, ботинки-вездеходы.

С удочками и садком, старший оперуполномоченный МУРа являл собой уморительное зрелище. Однако начальник отдела убийств полковник Кротов лишь молча посмотрел вслед оперативникам, когда разминулся с ними в коридоре. Заслуги Карлсона были столь высоки, что никакому начальству не пришло бы в голову упрекать подполковника за «неслужебный» внешний вид.

Глава пятая

Когда Малыш и Карлсон подкатили на «жигулях» подполковника к лодочной станции «Русалочка», их встретил местный участковый капитан Кирюхин, давний сослуживец Басова.

Оперативники из райотдела, судмедэксперт и криминалист уже побывали здесь под утро, и теперь на прибрежной базе отдыха уже мало что напоминало о случившейся трагедии.

Тело увезли в лефортовский следственный морг. Все, что нужно в таких случаях фотографировать, было сфотографировано. Все, что требуется протоколировать, запротоколировано. Потому-то муровцы и прибыли в «Русалочку», так сказать, налегке, усеченным составом.

— Порыбачить собираетесь, товарищ подполковник? — капитан Кирюхин пожал руку Максиму Басову. Грузная фигура и кирпичного цвета лицо безошибочно выдавали в этом пятидесятилетнем служаке большого любителя пива, а то и кое-чего покрепче. — Здесь ловить не советую, моторки всю рыбу распугали на много лет вперед. Давайте лучше ближе к вечеру съездим в одно местечко, там клев — что надо! И банька славная на бережку... Не хуже, чем здесь.

— Банька — это хорошо, — степенно кивнул Карлсон. — Только, видишь ли, со мной вот этот юный семьянин, ему дома надо быть засветло, как штык! А без моей машины товарищ старший лейтенант будет отсюда выбираться вплоть до морковкина заговенья.

Кирюхин что-то недовольно проворчал в адрес «женатиков», которые вечно портят

холостякам всю обедню, и повел оперативников на место преступления.

— Славно здесь у вас, прямо лепота! — Карлсон умильно оглядывал окрестности. Водохранилище рябило солнечными бликами, белый коттедж с охряной крышей смотрелся весело, по-европейски; оцинкованное рифленое железо ангара слепило глаза. А вон, поодаль, бревенчатая баня в лубочном русском стиле, сауна из бруса, обшитого дорогой вагонкой, стеклобетонный бар с бильярдной... Во всем чувствовались хозяйские руки плюс немалые затраты. Слегка портили пейзаж обугленные головешки свай, торчавшие из воды — знать, недавно здесь случился пожар.

Идиллическую картину довершала пегая лошадь, понуро щипавшая осеннюю травку неподалеку от ангара. Кобыла была запряжена в классическую деревенскую телегу с деревянными колесами. Глядя на все это, Матушкин с трудом верил, что находится на территории столицы, хоть и за пределами кольцевой автодороги.

— У Москвы губа не дура, — будто прочитав его мысли, сказал капитан Кирюхин. — Недаром оттяпала эти земли у области.

— Ну, ты-то ведь не в обиде, — заметил Басов. — Стал теперь столичным ментом, зарплату, поди, прибавили...

— Так-то оно так, — вздохнул участковый и потеревил нос. — Только ведь и спросу больше... Вон она, моя головная боль, — капитан указал на противоположный берег, где виднелись фантастические очертания модного пансионата «Прибрежный». — То драка, то кража, то наркота.

Они вошли под сумрачные своды ангара. Острые запахи краски, лака и бензина наполняли просторное помещение.

— Ну и где же произошло убийство? — бесстрастно спросил Карлсон.

Кирюхин провел оперативников вглубь ангара, где на цементном полу был очерчен мелом контур человеческой фигуры.

— Жучинскому нанесли удар тупым предметом по затылку, — буднично сообщил капитан. — Скончался на месте, сразу. Вот, кстати, возьмите копию заключения судмедэксперта. Предварительного, конечно. Орудие убийства не нашли. Я так думаю, — участковый почесал кадык, — что его ударили железным веслом.

— Да? — заинтересовался Карлсон. — Это почему же?

— А вот смотрите, — Кирюхин подошел к охапке прислоненных к стене весел. — Видите? У самого тяжелого весла нет пары. Везде искал, не нашел. Не иначе, в воду кинули.

— Похоже, так и было, — задумчиво кивнул

подполковник. — Малыш, тебе надо будет связаться с водолазами, пусть хорошенько пошуруют возле берега.

Карлсон продолжал осматривать ангар. Всюду стояли водные велосипеды, моторные и весельные лодки. Две изящные спортивные яхты со снятыми мачтами и парусами лежали на стапелях у противоположных стен.

— Хороши, а? — подмигнул оперативникам участковый. — Жучинский купил их недавно у какого-то обанкротившегося яхтклуба. При продаже эти красавицы были оформлены как списанные, пришедшие в негодность. Только что-то не больно они похожи на рухлядь... В общем, мужики, убитый умел делать деньги. А уж жаден был — не приведи Господь!

— С тобой, что ли, делиться не хотел? — ткнул участкового в брюхо подполковник.

— Ребята, за кого вы меня принимаете? — деланно возмутился Кирюхин. — Прямо обидели даже. Просто пока я вас тут ждал, времени даром не терял. Я хоть и не из МУРа, но тоже кое в чем кумекаю.

— И что ж ты скумекал? — насмешливо спросил Басов.

— Да так, пустячок, — с наигранной скромностью потупился Кирюхин. — Я ведь звезд с неба не хватаю, куда уж мне... В общем, этот

Жучинский был тот еще жук. Экономил бешеные деньги на электроэнергию.

Басов фыркнул, а Кирюхин, нимало не смутившись, продолжал:

— Счетчик стоит в коттедже, а этот ангар Жучинский запитал, то бишь подключил, по-пиратски, через дом. Улавливаете? Тыщи киловатт сжег за бесплатно!

— Ну, это не по нашей части, — махнул рукой Карлсон. — А тебе, глядишь, благодарность выйдет за усердие.

— Уж я своего не упущу, — заверил подполковника участковый. — Нового хозяина под монастырь подведу, это уж как Бог свят!

— А кто новый хозяин? Вы его знаете? — осмелев, вступил в разговор Малыш.

— А то как же, парень! Теперь эта золотая жилка переходит в собственность Рубена Ходжаняна, младшего компаньона покойного Альберта Жучинского.

— И этот тоже здесь корни пустил? — изумленно вскинул кустистые брови Карлсон.

— Так вы, товарищ подполковник, знакомы с этим *армяном*, будь он неладен? Ну, тогда мне незачем рассказывать, что это за личность. Ходжанян появился в наших краях не так давно, когда Жучинский уже успел здесь развернуться. Видать, старые друзья-приятели. Да, поработали

они тут на совесть, ничего не скажешь.

— А что, разве держать лодочную станцию — прибыльно? — снова спросил Алексей, и Карлсон одобрительно кивнул ему — давай, мол, прояви инициативу. — Это ведь не казино, не бензоколонка...

— Тут, брат, важно то, как суметь бизнес организовать, — значительно промолвил капитан.

Он повернулся к Басову и с неожиданным панибратством положил руку на плечо подполковнику:

— Так и быть, введу вас в курс дела, только чур меня не выдавать!

— Понятно, — кивнул Карлсон, — мы уедем, а тебе тут жить.

— Вот именно, — охотно согласился участковый.

Все трое вышли на берег, Кирюхин достал пачку «Беломора».

— Итак, на чем здесь можно делать деньги? — начал участковый, закурив папиросу. — Ну, сдавать лодки напрокат туристам и рыболовам — это раз. Кое-что, конечно, принесут баня, бар и бильярд. Но все это — не то по сравнению с аппетитами покойного Жучинского и ныне здравствующего Ходжаняна. И у компаньонов наметилась еще одна статья дохода, причем весьма существенная.

Участковый помолчал, словно раздумывая, говорить ли дальше. Наконец, стремление козырнуть осведомленностью перед муровским светилом по прозвищу Карлсон взяла верх над трезвым расчетом и Кирюхин, махнув рукой — мол, была — не была! — продолжал:

— Тут неподалеку, километрах в трех-четырех, то есть уже на территории области, есть частная ферма. Хозяина в том году кто-то убил. Говорят, старик не сумел поладить с местной братвой. Осталась его жена, Таисья Петровна Харина. Куда ей такое хозяйство в одиночку тянуть? А тут сын ихний, Колька, из тюрьмы вернулся. Братва его хорошо знала... В общем, оставили бандюки ферму в покое. Колька, похоже, завязал со старыми делами, принялся помогать матери. Таисья Петровна работников наняла, стали выращивать огурцы, помидоры, зелень. Кур, гусей развели, поросят, несколько коров. Даже творог и сметану делать наловчились. Я ел. Отменно, доложу я вам, у них получается! Да вот беда — куда все это девать? Торговать-то не приучены, тем более в наших волчьих условиях. Короче, пропадало все у них, сбыта не было.

— И тут подсуетились Жучинский с Ходжаняном, верно? — перебил участкового Карлсон.

— Так точно. Эти умели договориться с кем

надо. Вышли на директора пансионата «Прибрежный» Юрия Червякова и стали вместе с ним отмывать деньги. Видели лошадь? Это Колькина, то бишь его матери. Харин чуть не каждый день привозил на лошади овощи из теплиц, битую птицу, молочные продукты. Потом, как стемнеет, вместе с Ходжаняном переправляли все эти харчи в пансионат на моторных лодках. Там продукты оформлялись по высоким закупочным ценам, а на деле Червяков платил вполтину. Кольке с Таисией Петровной вообще мало доставалось, львиную долю выручки забирали Жучинский и Ходжанян. Колька, естественно, обижался, протестовал, но куда ему деваться? А тут у местной братвы новый пахан объявился, так у него с Харинными разговор стал короткий: платите, мол, дань, вы и так много времени получили на раскрутку. В общем, здорово прижали фермеров со всех сторон.

— Так ты говоришь, лошадь Колькина? — нахмурившись, проговорил Карлсон. — А где же он сам?

— Хм! Хороший вопрос. Пропал Колька. Похоже на то, что он имеет прямое отношение к ночному убийству. И мотивы у него достаточные — Жучинский его постоянно обделял. Впрочем, это вам решать, товарищ подполковник, — спохватился Кирюхин.

— Есть какие-нибудь свидетели убийства? Ведь вызвал же кто-то полицию...

— Имеются и свидетели, — двусмысленно усмехнулся участковый. — В доме сидят, вас поджидают. Сладкая парочка...

Глава шестая

В коттедже навстречу оперативникам поднялся небритый, слегка седоватый брюнет — это и был Рубен Ходжаниян. Перед ним на простом сосновом столе стояла початая бутылка армянского коньяка, ваза с фруктами, коробка дорогих шоколадных конфет и тарелочка с нарезанным лимоном.

— Здравствуйте, господа, — произнес Ходжаниян почти без акцента.

Но глаза оперативников смотрели мимо него: в матерчатом кресле, закинув ногу на ногу, восседала девушка редкостной красоты. Каштановые волосы сумбурной копной спускались с ее плеч до изящной талии, обрамляя высокую грудь. Возле прямого, коротенького носика чуть наметились веснушки, а глаза сияли, будто два огромных изумруда. На тонких, длинных пальцах переливались со вкусом подобранные самоцветы. На вид этому чуду природы было лет восемнадцать.

Ходжаниян, саркастически усмехнувшись при

виде окаменевших лиц оперативников, промолвил с полупоклоном:

— Позвольте представить — моя знакомая, Вика...

— Виктория Фирсова, — сказала девушка неожиданно низким, грудным голосом; при этом она и не подумала привстать с кресла. — Мы с Рубеном познакомились вчера на дискотеке, на том берегу. Я только вчера приехала в пансионат «Прибрежный», и надо же — сразу такое приключение!

Было не совсем понятно, что именно мадемуазель Фирсова имела в виду: свое знакомство с богатым армянином или ночное убийство. По всему чувствовалось, что девица не обременена чрезмерными умственными способностями, не говоря уж об интеллекте.

Ходжанян предложил Карлсону и Малышу по рюмочке коньяка и, получив отказ, принялся неторопливо давать показания. «Неужели он меня не узнал? — думал подполковник. — Да нет, не может такого быть. Прикидываешься, Рубен Григорьевич, я ведь тебя тогда, в девяносто первом, чуть до инфаркта не довел, несмотря на то, что тебе только едва за тридцать было».

По словам Ходжаняна, вчера вечером он вместе с Николаем Хариным отвез в «Прибрежный» продукты с фермы Таисии

Петровны. После расчета с директором они поужинали в ресторане пансионата (как обычно, за счет заведения); от нечего делать заглянули в бар, на дискотеку... Там Ходжанян познакомился с каштановой Викторией Фирсовой и уже на втором танце пригласил ее к себе. Втроем они вернулись на моторках в «Русалочку». Жучинский, как всегда в подобных случаях, тактично покинул дом и вместе с Колькой пошел в ангар.

— Зачем? — быстро спросил Басов.

— Ну... — замялся Рубен Григорьевич. — Как вам сказать... Люди ведь обычно не бывают довольны своим заработком. Вот и Николай постоянно ныл, просил поднять расценки на продукцию с его фермы. А Червяков, да и мы с Жучинским — не благотворительная миссия. Я слышал, как вчера Альберт в сердцах объяснял Николаю, что нам предстоят большие расходы, а денег в обрез. Потом Жучинский сказал что-то вроде того: «Если не веришь, пойдем со мной в ангар, там своими глазами увидишь, сколько нам надо отремонтировать лодок, яхт, велосипедов». И пошли... Только из ангара, как вы знаете, Альберт уже не вышел.

— Позвольте поинтересоваться, Рубен... мм... — Карлсон сделал вид, что понятия не имеет, какое отчество у его собеседника.

— Григорьевич, — подсказал армянин.

— Так вот, Рубен Григорьевич, а с какой это стати вы и Жучинский получали долю с продаж продукции фермеров Хариных? Причем, как я понимаю, немалую долю...

— Он сам согласился на эти условия, — пожал плечами Ходжанян. — Таковы правила бизнеса — не умеешь торговать, делись с посредниками. Без нас Харин вообще сидел бы на бобах.

Карлсон, засунув руки в карманы, раскачивался с пяток на носки — это означало, что собеседнику предстоит дать ответы на весьма неприятные вопросы.

— Я, конечно, рискую смутить вашу подругу, но расскажите, пожалуйста, чем вы занимались в отсутствие Жучинского и как обнаружили его труп? — поинтересовался подполковник. Опасения Басова, что своим вопросом он может ввести девушку в краску, были совершенно напрасными. Похоже, Фирсову подобный поворот темы нисколючки не смутил. Ходжанян также остался равнодушно-спокойным. Если кто из присутствующих и потупил глаза, так это старший лейтенант Матушкин.

— Ну, чем мы тут занимались, думаю, понятно, и в красочных подробностях нужды нет, — сухо произнес Рубен Григорьевич. — Уснули мы с Викой довольно быстро, около

половины первого ночи — верно, крошка? А проснулись от внезапного шума со стороны ангара, время было час. Я быстро оделся, сказал Вике, что пойду посмотреть, в чем дело. В окне ангара был свет, и я увидел там, в окне, Николая Харина. Тут я споткнулся о ведро, оно загремело. Николай услышал и выбежал из ангара. Я зашел в ангар и сразу увидел убитого Жучинского. Харина и след простыл. Ну, я поискал его, потом по мобильному позвонил в полицию. И вдруг из кустов появляется... Кто бы вы думали? Старуха-фермерша, Таисия Петровна! Не поленилась среди ночи в такую даль переться. «Где, — говорит, — моя лошадь? Колька, подлец, опять, наверное, пьяный валяется!» Совсем спятила старая. Ну, я ее послал куда подальше, сами понимаете, в каком я был состоянии.

— Понимаю, понимаю, — покивал головой Басов. — Ну, а вы, гражданка Фирсова, что нам скажете?

Каштановая дива встрепенулась, будто очнувшись от каких-то неведомых миру грез:

— Когда Рубен ушел в ангар, я встала с постели и подкралась к окну. Почему-то я волновалась, что-то чувствовала. Смотрю, окно ангара ярко освещено, и в нем я увидела того самого парня, Николая, с которым Рубен меня познакомил в пансионате. Загремело ведро, и

Николай отпрянул от окна. Я еще с минуту постояла и вернулась в койку.

— Вы уверены, что хорошенько рассмотрели человека в окне ангара? — спросил Карлсон. — Расстояние-то как-никак приличное.

— А я свет в комнате не зажигала, поэтому мне было все видно, — по-детски улыбнулась девушка.

Она неотрывно и лучезарно смотрела в глаза подполковнику. Басов вполголоса что-то промычал и отвел взгляд в сторону.

Подполковник подошел к окну, в задумчивости потеревил нижнюю губу. Н-да, отсюда действительно хорошо просматривался ангар, на рифленой стене которого темнело распахнутое окно. Карлсон отозвал Малыша в сторонку и привычным жестом взял его за пуговицу:

— Вот что, старина, — вполголоса проговорил Карлсон. — Съезди-ка вместе с капитаном на ферму, поговори с хозяйкой. А я пока поброжу тут, помозгую... И потерзаю этого армянина. Ты заметил, как он напряжен, будто в панцирь закован? Явно чем-то и кем-то напуган, но не говорит.

— Что-то не похож он на испуганного, — с сомнением заметил Малыш. — Мне кажется, такой сам кого хошь запугает.

— Вы молоды, корнет, — назидательно поднял палец подполковник. — Послужите с мое, и вы научитесь безошибочно определять психологическое состояние собеседника.

Участковый Кирюхин, стоявший рядом, чуть заметно улыбнулся. Уж его-то, старого служаку, не могла ввести в заблуждение наигранная патетика подполковника. Все ясно: Басову не терпится остаться одному и закинуть свои удочки — причем в самом прямом, а не в переносном смысле.

Глава седьмая

Малыш был просто ошарашен разговором со старухой-фермершей. Прав подполковник Басов, Алексей совершенно не знает человеческую природу и на исходе двадцать шестого года жизни все еще остается наивным, доверчивым отроком.

Хотя, казалось бы, судьба не слишком-то баловала юного Матушкина, а порой преподносила самые суровые уроки. Сначала — трагическая гибель родителей во время пожара на теплоходе, когда Малышу было три годика от роду; потом интернат — правда, элитный, поскольку мать и отец были довольно известными советскими художниками-графиками; тяжелая для безденежного детдомовца учеба в Московском авиационном институте, после окончания —

полтора года блуждания без работы...

Ну, разве что женитьбу на Ирине, сказочной девушке из глухой деревни под Луховицами, можно назвать настоящим подарком судьбы. Да еще, конечно, знакомство с Карлсоном...

Но как ни терла Алексея судьба, как ни тыкала его мордой в грязь, а разбираться в людях юный опер так и не научился. Он искренне считал, что самое сильное в мире чувство — это материнская любовь, которой он был в свое время лишен. Однако Таисия Харина напрочь опровергла это детское убеждение Малыша.

Сухая, жилистая бабка молча выслушала Матушкина с Кирюхиным и ничуть не удивилась, что ее сыном Колькой опять интересуется полиция. Гораздо больше она беспокоилась о лошади. Мол, голодная, наверно?

— Да все в порядке с вашей скотинкой, пасется на бережку, травку щиплет, — заверил Таисью Петровну участковый.

Старуха не унималась, дескать, раз Колька в бегах, она пойдет и приведет кобылу домой. И пусть только этот армяшка попробует опять послать ее матом, как ночью...

И еще хозяйку волновал вопрос, не конфискуют ли у нее ферму, если Кольку привлекут за убийство Жучинского.

— Та еще, видно, карга, — усмехнулся

Карлсон, выслушав рассказ Матушкина.

Они держали путь в пансионат «Прибрежный». В полиэтиленовом пакете на заднем сиденье «Жигулей» беспомощно плескались две жалкие плотвички — более чем скромный улов подполковника.

Участковый Кирюхин ехать в пансионат отказался наотрез: чего доброго, директор «Прибрежного» Юрий Червяков решит, что капитан «стучит» на него муровским операм.

— А я, брат, не только рыбу ловил, как ты, наверное, догадываешься, — серьезным тоном продолжал Басов. — Поговорил с Ходжаняном по душам, с глазу на глаз. Ну, ты знаешь, я это умею... Темнит он, виляет. И еще одно мне не нравится — он упорно делает вид, что не помнит меня. Черта с два! Такое не забывается. Бьюсь об заклад, он после нашего первого знакомства месяц без снотворного уснуть не мог. Н-да, странная тут подобралась публика, если не сказать — злоеца.

Алексей уже настолько привык к витиевато-патетическим высказываниям Карлсона, что воспринимал их как нормальную деловую аргументацию.

— Одно я понял из речей Ходжаняна, — значительно молвил подполковник. — Местная братва не раз пыталась наезжать на хозяев «Русалочки». И, якобы, выручал Жучинского и

Ходжаняна не кто иной, как директор пансионата Червяков. Взял лодочную станцию под свою «крышу». А Червяков умеет ладить со здешними бандюками. Вот я и думаю, может, братва сегодня ночью одним ударом покончила и с хозяином «Русалочки», и с упрямым фермером Николаем Хариным? Или все-таки Харин — сообщник бандитов? Так или иначе, теперь братки легко приберут ферму к рукам, а Ходжанян, в свою очередь, будет вынужден пойти на все их условия. Такие вот разборки местного масштаба, передел собственности, едрена мать...

— Не повезло этой девушке, Виктории Фирсовой, — осторожно произнес Малыш. — Только приехала на отдых, и на тебе...

Басов хмыкнул:

— Да ладно тебе, нашел кого жалеть... Для Фирсовой этот Ходжанян — лишь очередной богатый партнер. Если сегодня ночью и его шлепнут, то, уверяю, переживать мамзель не станет. У этой авантюристки, судя по всему, таких кавалеров пруд пруди, и денег — как грязи.

Малыш печально вздохнул:

— Да, внешность часто бывает обманчивой. А какие у нее глаза! И надо же — обыкновенная вертихвостка.

— Во-первых, не забывай, что ты женат, — мягко осадил Алексея подполковник. — А

во-вторых... Ты правильно сказал — внешность обманчива. Неужели ты, наивный романтик, не понял, что она носит ярко-зеленые контактные линзы? Таких изумрудных глаз, как у нее, в природе не бывает! И носит она линзы не так давно, до сих пор слегка щурится по привычке.

Малыш сконфуженно молчал, подавленный фантастической наблюдательностью гения сыска.

Глава восьмая

— Понятно, понятно, господа, у нас, как обычно — любая инициатива наказуема, — с напускной обидой тараторил директор пансионата «Прибрежный» Юрий Червяков.

Он расхаживал по своему просторному кабинету перед небрежно развалившимся в кресле подполковником. Малыш, как примерный ученик, сфинксом восседал на стуле, положив ладони на колени.

— Ну, скажите на милость, — трагически воздел руки к небу директор, — кому было плохо от того, что я покупал высококачественные, безо всяких там нитратов, продукты с фермы Хариных? Ладно, согласен, при оформлении отчетности были допущены некоторые вольности. А куда деваться? Деваться куда? Ведь задушили финансовыми инструкциями, воздуха глотнуть не дают!

Словно иллюстрируя свои слова, Червяков, изрядно вспотевший от волнения, включил кондиционер.

— Вы у отдыхающих спросите, нравится им кормежка или нет? — предложил директор. — Так они вам в один голос ответят: отличное питание в «Прибрежном»! У меня в книге отзывов — сплошь одни благодарности, хотя народ тут собирается избалованный, привередливый.

Червяков не утерпел, плеснул себе виски из квадратной бутылки, одним махом опрокинул в глотку маслянистую, обжигающую жидкость.

Подполковник выждал паузу и заговорил:

— Юрий Викторович, а если я вам сообщу, что, возможно, именно из-за этой вашей, как вы изволили выразиться, инициативы сегодня ночью убит владелец лодочной станции «Русалочка» Альберт Жучинский? А?

— Слышал, слышал, — раздраженно отмахнулся Червяков. — Только при чем тут продукты с фермы? Вот что я вам скажу, господин подполковник. Давайте так: вы мне пообещаете не озвучивать в правоохранительных органах ситуацию с обеспечением моего пансионата продуктами, а я, в свою очередь, могу оказать существенную помощь следствию по делу об убийстве Альберта Жучинского. Идет?

Юрий Викторович напряженно смотрел на

Карлсона. Тот молчал.

— Вы ведь, господа, из отдела убийств, и нарушения финансовой дисциплины — не ваш, так сказать, профиль... — проямлил Червяков.

Басову тут же нестерпимо захотелось врезать Червякову и в профиль, и в фас. Но подполковник умел держать себя в руках, если, конечно, в этом была необходимость.

— Валяйте, выкладывайте, — лениво процедил Карлсон, — а там посмотрим, может, и договоримся.

Червяков воодушевился:

— Знаете ли вы, что по соседству с «Русалочкой» находится тренировочная база футбольного клуба «Дружба»? Да-да, того самого. Кстати, попасть туда постороннему человеку не проще, чем на территорию военной базы. Так вот, главный тренер «Дружбы» Антон Званцев давно уже стал фактическим владельцем клуба и всего его имущества. В том числе — и означенной тренировочной базы. С помощью отработанных в нашей стране манипуляций он сумел прикарманить практически все акции клуба. Это вам не творог и битая птица, — в голосе Червякова вновь зазвенела обида. — Вот по ком тюрьма-то плачет!

Директор пансионата ткнул указательным пальцем куда-то в пространство за окном кабинета.

— К чему вы клоните, любезный? — ледяным

тоном прервал его Басов.

— А вот к чему. Этот Званцев, не к ночи будь помянут, давно положил глаз на «Русалочку». Да только проморгал он лодочную станцию, когда она сама плыла ему в руки, извините за каламбур, — Червяков хихикнул. — И теперь он насаждает на новых хозяев, всячески их терроризирует, вынуждает взять его в долю. Мне об этом Ходжанян рассказывал, когда продукты в пансионат доставлял. А пару суток назад, ночью, я сам видел пожарище на лодочной станции — у них причал деревянный сгорел. Как пить дать, дело рук людей Званцева. Ох, и головорезов он набрал себе в службу безопасности, прямо жуть берет...

— Вы хотите сказать, что тренер «Дружбы» может быть причастен к убийству Жучинского? — взгляд Карлсона стал пристальным и хищным.

— Ах, ничего я не утверждаю, — отвел глаза в сторону директор. — Мне только известно, что переговоры между Званцевым и Жучинским ни к чему не привели. А у нас ведь, сами знаете, когда смолкает дипломатия, говорят пистолеты.

— С чего вы взяли, будто Жучинского застрелили из пистолета? — встрепенулся Матушкин.

— О Господи, да это же просто поговорка! — взмолился Червяков. — А как, кстати, его убили?

Басов поднялся из кресла, за ним поспешно

встал Малыш.

— Я интересуюсь одной вашей постоялицей, — небрежно бросил Карлсон. — Некто Виктория Фирсова.

— О, это редкостный экземпляр, — оживился Червяков, радуясь перемене темы. — Я тоже, с позволения сказать, ею бы с удовольствием заинтересовался. Как, впрочем, любой нормальный мужик. Приехала вчера, проживает в одном из лучших номеров. Сейчас я вам подскажу, как ее найти...

— Насколько я знаю, сейчас ее в пансионате нет, — сухо проговорил Басов. — Так что, любезный, проводите-ка нас в ее номер.

Червяков помолчал, переваривая слова подполковника.

— Означает ли эта ваша просьба, что наши взаимоотношения приобретают дружественный характер? — хитро улыбнулся директор пансионата. — Ведь разрешение на незаконный обыск помещения — это, как я понимаю, определенный шаг с моей стороны навстречу интересам следствия...

Глава девятая

Номер мадемуазель Фирсовой окнами выходил на просторы водохранилища, здесь царил

европейский комфорт, и веяло тонким ароматом французских духов. Басов методично осматривал тумбочки, письменный стол, ванную комнату, багаж постоялицы.

Вскоре выяснилось, что свидетельница ночного убийства на лодочной станции — вовсе не мадемуазель, а мадам. В извлеченном из тумбочки паспорте было четко записано, что Виктория Павловна Фирсова, тридцати трех лет от роду, уроженка города Костромы, уже год как состоит в законном браке с гражданином Фирсовым Владимиром Игоревичем. Оба проживают в Москве.

Басов, озадаченно сопя, убрал паспорт на место.

В письменном столе нашлось кое-что полюбопытней. Карлсон извлек увесистый фотоальбом и подозвал Малыша:

— Смотри-ка, приятель! Попади эти снимки в руки гражданина Фирсова Владимира Игоревича, думаю, в паспорте нашей мадам вскоре появился бы штамп о разводе.

Малыш, преодолевая смущение, листал страницы альбома, Карлсон смотрел через плечо, изредка комментируя фотосюжеты, которые, впрочем, были вполне пристойными:

— Узнаешь? Виктория Фирсова в обнимку с генералом Чухловым, ныне покойным... А это

мадам Фирсова в гостиничном номере с главой думского комитета Пилютиним. Недурная коллекция поклонников! А вот и наш всенародно любимый тренер Антон Званцев.

Снимок был сделан на фоне белоснежной яхты. На борту отчетливо читалось название прогулочного судна «PARADIS» и чуть мельче — порт приписки — Barselona.

— Листай дальше, — приказал Карлсон. — Гм, вот этого борова я не знаю, но и он, судя по всему, личность далеко не бедная — видишь на его жирном пальце рубин величиной с вишню? Так-так... Ого! Узнаешь? Рубен Ходжян и соломенная вдовушка Виктория Фирсова! Снимались в Москве. Похоже, гольф-клуб на Мосфильмовской... Довольно странно, если учесть, что они якобы познакомились только вчера, в этих вот стенах.

Карлсон забрал альбом у Малыша, вынул пару снимков и вернул его на место. Повернулся к Червякову, за спиной которого маячила дородная, взволнованная администраторша. Басов погрозил ей пальцем, и пышнотелая дама сразу увяла под леденящим взглядом подполковника.

— Немедленно принесите мне анкету Виктории Фирсовой, которую она заполняла при заселении в пансионат, — скомандовал Басов.

Администраторша с неожиданной

проворностью помчалась на первый этаж, столь же резво вернулась обратно, и подполковник принял из ее пухлых пальцев стандартный листок с извечными идиотскими вопросами: С какой целью прибыли в пансионат? Семейное положение? Место работы?...

К своему удивлению, в графе «место работы и должность» Максим Юрьевич прочитал совсем не то, на что рассчитывал. Вместо ожидаемой им записи «временно не работающая» здесь было вписано летящим, красивым почерком: «студентка факультета журналистики МГУ». Как говорится, не хухры-мухры, девица-то, оказывается, не такая уж дуреха. Знает, в какой водице ловить золотую рыбку — на журфаке полным-полно завидных женихов. Уж не там ли она подцепила гражданина Фирсова?...

— Чтоб ни гу-гу, понятно? — сверкнул глазами на администраторшу подполковник. — Ну а вас, любезный Юрий Викторович, думаю, нет нужды особо инструктировать насчет разумного использования дара речи.

Уже будучи в дверях, подполковник обернулся:

— Живите, господин Червяков. И считайте, что вам очень повезет, если эта наша встреча окажется последней.

Когда оперативники покинули директорский

кабинет, Червяков схватил телефонную трубку и с ожесточением набрал номер:

— Алло, Кирюхин? Здравствуй, здравствуй...

Ну, спасибо тебе, что узнал, значит, богатым мне не быть! И, между прочим, по твоей милости. Ты что же это, а? Думал, я не дотумкаю, откуда у муровских оперативников сведения о моих делах с Жучинским и Ходжаняном? Брось, все ты прекрасно понимаешь. Ты лучше ответь, за что я тебе деньги плачу, жирный двурушник?

Дальнейшая тирада Червякова являла собой виртуозный набор ненормативной лексики, а в ответ капитан лишь мычал что-то невразумительное.

Глава десятая

Вика Фирсова никогда не понимала пословицы, которую частенько повторяла ее матушка: «Не родись красивой, а родись счастливой». Красота — это и есть счастье, во всяком случае, она делает дорогу к нему легкой и безоблачной.

Когда Вика пошла в школу, отец в очередной раз сидел в тюрьме, а мать денно и нощно пьянствовала с ханыгами. Маленькая Вика, забившись в уголок между печкой и умывальником, читала подшивку старинных, пахнущих мышами

журналов «Нива». Именно этим ночным чтением при тусклом свете двадцатипятиваттовой лампочки Вика и испортила себе зрение на всю оставшуюся жизнь.

Она не обращала почти никакого внимания на то, что творилось в двух шагах от нее, но однажды вдруг с легким удивлением отметила, что «контингент» матушкиных гостей резко изменился. Алкаши, рыночные торговки и станционные жулики как-то разом исчезли с горизонта, а взамен их стали появляться тихие, одетые в черное мужчины и женщины с нездоровым цветом лица, потусторонним огнем в глазах и чуть уловимым запахом воска и плесени.

Всегда трезвые, но вместе с тем какие-то одержимые, они вместе с матерью зажигали свечи и начинали что-то монотонно бормотать. Это были члены секты «Свидетели Иеговы», обосновавшейся в их районном городке не так давно и еще не успевшей привлечь внимание доживавшего свои последние дни Комитета госбезопасности СССР.

Вика, учившаяся абы как, очень смутно представляла себе историю Павлика Морозова, однако она быстро смекнула, что мать и ее новые «братья и сестры» делают что-то противоречащее духу социализма; стало быть, ей, пионерке, выпала высокая честь разоблачить некое тайное сообщество. Именно тогда Вика впервые осознала

свое жизненное кредо — всегда быть на стороне сильного, власть имущего.

Вика рассказала о сходках иеговистов учительнице, а уж та дала знать «куда следует». Во время обыска люди в штатском обнаружили в избе несколько журналов «Ночной страж» и «Башня стражи» — в те времена этого было достаточно, чтобы арестовать всех членов секты. Мать Вики спасло лишь то, что ей «по сценарию» отвели роль жертвы сектантов — такой матери-одиночки, обманом вовлеченной в сети идеологического врага.

С тех пор полубезумная женщина начала патологически бояться своей юной дочери, во всем ей угождать, а по временам даже прятаться от нее в чулане или покосившемся деревянном сарае. Особенно часто это стало происходить после того, как к ним постучался какой-то мужик в телогрейке и треухе. Мать захлопотала вокруг пришельца, а тот, осушив четвертинку под соленый огурчик, сообщил, что на зоне во время бунта застрелен вертухаями отец Виктории.

Вика уже училась в девятом классе и по праву считалась самой красивой девочкой в их убогой средней школе. Когда учительница начала спрашивать, кем кто хочет стать, Вика впервые задумалась о выборе жизненного пути. То есть, конечно, в общих чертах она себе его представляла

довольно неплохо — жить на проценты от своих внешних данных, но вот конкретной сферы вложения своего капитала она пока не определила. Во всяком случае, это отнюдь не текстильный комбинат, куда автоматически попадали практически все девушки из их городка.

Думала каштановая Виктория недолго. Лучший способ быть на виду, вращаться среди сильных мира сего — стать журналисткой. В иностранных кинокартинах, которые привозили в местный клуб текстильщиков, она не раз видела, как предприимчивые, блистающие красотой репортерши добиваются жизненного успеха благодаря своей внешности. Особенно в этом ее убедил широко показываемый в стране американский фильм «Большие гонки».

Одна беда — поступить на факультет журналистики МГУ без блата, больших денег и «пятерочного» аттестата было весьма сложно даже при викиной самоуверенности и сексапильности.

Нужно было срочно принимать радикальные меры. Она хорошо зала, какие. Моложавый директор школы, у которого, как говорили, была смертельно больная жена и маленькая дочка, с рождения страдавшая детским церебральным параличом, не раз задерживал свой взгляд на круглых, чуть розоватых коленках аппетитной девятиклассницы. А на уроках экономической

географии, которые вел в их классе директор, он почему-то чаще других обращался с вопросами именно к Виктории, причем незаметно для самого себя называл ее на вы, в отличие от всех прочих учеников.

В общем, после всего этого говорить уже было не о чем, надо было действовать. Плодом полуторагодичной связи директора школы и предприимчивой старшеклассницы стали два вполне удачных аборта, которые Вика сделала у местного жуира-гинеколога, золотая медаль и, как следствие — разжалование директора до уровня простого учителя географии в сельской восьмилетке, о чем Вика случайно узнала лишь пару лет спустя, уже будучи беззаботной студенткой журфака (тогда ей волей-неволей пришлось съездить в постылый город своего детства на похороны матери. Под эту сурдинку Вика получила немалые средства «на похороны» от своих богатых спонсоров, и было бы довольно странно, если бы она даже не съездила проститься со старушкой).

Своей студенческой беззаботностью юная гейша была обязана доценту Винорию Пашенко, начальнику ее курса, который в год поступления Вики в МГУ был не кем иным, как председателем приемной комиссии журфака. Заприметив этого худощавого, постоянно жестикулирующего чудака

еще во время творческого конкурса, который по традиции проходит на журфаке перед вступительными экзаменами, Вика, изображая наивную Фросю Бурлакову, с испуганным взором направилась в кабинет всесильного в ее глазах доцента. Девчушка интересовалась, подойдут ли для творческого конкурса ее стихи, опубликованные год назад в их районной газете (редактор коей также оказался равнодушным к природным данным юной авторши — как поэтическим, так и внешним).

Как-то само собой получилось, что общение абитуриентки и начальника приемной комиссии продолжилось в ресторане «Арагви», а потом и на даче товарища Пащенко в Малаховке. Утром Вика билась в слезной истерике, упрекала насмерть перепуганного доцента, что он опоил ее шампанским и совратил...

А потом перед начальником приемной комиссии внезапно предстала совсем другая особа. Утерев глаза кружевным платком, Вика равнодушным голосом сообщила, что Винорий Александрович обязан отныне и вплоть до окончания ею факультета журналистики оказывать ей, своей пассии, всевозможную протекцию (то, что Вика поступит в МГУ, сдав на пятерку лишь один экзамен — сочинение — обсуждению как бы и не подлежало, это имелось в виду как нечто само

собой разумеющеся).

Так Виктория превратилась в очередную «вечную» студентку. На протяжении учебы Пащенко уже несколько раз пробивал ей академический отпуск, устраивал так, что студентке Фирсовой почему-то не вменялись в вину многочисленные прогулы лекций и семинаров. Вот и теперь, несмотря на начало учебного года (а Вика числилась на четвертом курсе дневного отделения журфака), она, ничтоже сумняшеся, оправилась на двенадцатидневный отдых в пансионат «Прибрежный». И, между прочим, была приятно удивлена и высоким общественным уровнем здешней публики, и отменным качеством сервиса.

Надо сказать, за годы своей жизни в столице Вика довольно быстро привыкла и к тому, и к другому. В течение двух последних лет ее окружали исключительно представители московского истэблшмента. Еще на первом-втором курсе она завела многочисленные связи как в демократической, так и в прокоммунистической прессе, на радио и телевидении, что позволяло ей чуть ли не ежедневно посещать презентации, модные клубы, а также политические, артистические, финансовые, спортивные и прочие «звездные» тусовки, встречаться с представителями столичного бомонда, всякий раз неизменно пленяя очередного

воротила из блистающего мира власти и денег.

«Красота — это такой же талант, Божий дар, как, например, врожденные способности к сочинению музыки, стихов, к науке или шахматам», — твердила сама себе Вика в ответ на слабые, тревожные подозрения, а уж не блядь ли она?

«Красота дорого стоит, за нее надо много платить, она по карману лишь обеспеченному человеку, — шептал ей какой-то потусторонний голос. — Ведь красивое платье стоит больше, чем некрасивое, красивый особняк дороже хибары. Поэтому ты по праву пользуешься теми жизненными благами, которые приносит тебе твой талант — Красота».

В какой-то момент Виктория поняла, что она уже не девочка, и для вящего успеха ей необходим определенный социальный статус, то бишь — положение замужней дамы. Да и проживание на съемной квартире выглядело как-то по-сиротски — пора обзаводиться московской пропиской.

Слишком богатый и знаменитый супруг не для нее: такой непременно попытается втиснуть ее в рамки своей «глобальной личности», будет требовать дебильной, собачьей верности и уважения к его «особо важной персоне». Причем вовсе не факт, что по отношению к законной жене он будет столь же щедр, как к любовнице. А она —

прирожденная содержанка, этакий «переходящий кубок победителя», подобно Кубку Стэнли или Европейских чемпионов по футболу, достается дорогой ценой и отнюдь не навсегда.

И потому в качестве благоверного Виктория выбрала неприметного очкарика Володю Фирсова, студента Института стран Азии и Африки, что по соседству со старинным зданием журфака на Моховой. Впрочем, Володя вовсе не был совсем уж ничтожеством. Как-никак, его родители служили в МИДе на заметных должностях, у Фирсова-младшего была своя квартира на Юго-Западе...

Очкарик-африканист побрел за Викторией в загс, как теленок на бойню. От окончательной утраты собственного «я» Владимира Игоревича поначалу спасала одуряющая, изматывающая зубрежка (по числу самоубийств и психических заболеваний на почве перенапряженного учебного процесса Институт стран Азии и Африки неизменно занимал второе место среди столичных вузов и факультетов, лишь немного уступая мехмату МГУ). А по окончании пятого курса Фирсова отправили на двухгодичную стажировку при российском посольстве в Чаде.

Виктория вполне здраво рассудила, что полуголодная африканская страна прекрасно обойдется без ее присутствия на своей

знойно-пустынной территории, где на восемь месяцев в году пересыхает единственное озеро. Володя, как ни странно, вовсе не агитировал благоверную поехать вместе с ним. Правда, возникли сложности по линии МИДа: мол, сотрудник посольства обязан ехать по месту назначения вместе со своей второй половинкой, так положено. Вика только фыркнула, когда муж с озадаченным видом сообщил ей об этой проблеме.

Уже на следующий день мадам Фирсова выложила перед Володиной оформленное по чести медицинское свидетельство. Дескать, гражданка Фирсова, 1981 года рождения, — на пятнадцатой неделе беременности, причем беременность осложнена всякими бяками, и потому смена климата для будущей мамы крайне нежелательна. В первый момент Володя решил было, что справка отражает действительность, и глаза его вспыхнули радостью; но когда Вика с презрением пояснила, что бумага — липовая, благоверный сник и вплоть до своего отъезда не обмолвился с законной супругой даже десятком фраз. Обиделся, видите ли! Детей ему подавай. Она не корова и живет не ради воспроизводства себе подобных.

Как бы то ни было, оформленное по всем правилам медицинское свидетельство позволило Виктории остаться дома, избежав завидной

участи жен декабристов, нечиновных военных и дипломатов «третьего разбора».

Глава одиннадцатая

Мадам Фирсова с аппетитом отужинала в ресторане пансионата «Прибрежный», ловя на себе алчные взгляды мужской части отдыхающих. Она уже привыкла к тому, что интеллект сильной половины человечества стремительно таял в ее присутствии, а некоторые так и вовсе опускались до уровня питекантропов.

Не обошлось за ужином и без совершенно уморительного эпизода. Официант, засмотревшись на блистательную Викторию, потерял все ориентиры в пространстве, зацепился ногой за чей-то стул и с грохотом растянулся на полу, разметав вокруг себя кушанья и напитки. Девушка хохотала от души, и звонкий колокольчик ее смеха окончательно добил некоторых из присутствующих ловеласов, главным образом — почтенного возраста.

Вика покинула зал ресторана в отменном расположении духа. Однако, войдя в свой номер и намереваясь принять ванну, госпожа Фирсова нахмурилась. От приподнятого настроения не осталось и следа. Вика явственно ощутила, что в номере кто-то был. К ароматам французской

парфюмерии примешивался вульгарный, даже какой-то казенный запах дешевого мужского одеколona. Без всякого сомнения, в ее отсутствие в номере был посторонний, причем вряд ли этот кто-то из числа постояльцев или obsługi пансионата — эти-то, как правило, пользуются косметикой попримичнее.

Она бросилась к тумбочке. Так, паспорт и деньги на месте. Альбом! Дьявольщина...

Фирсова кинулась к письменному столу, нервно принялась листать картонные страницы. Так и есть! Ведь говорил ей здравый рассудок: не таскай с собою эти зримые свидетельства женских побед, когда-нибудь поплатишься... Но Вике для пущего куража и внутренней уверенности в себе требовалось время от времени перелистывать эти заветные страницы. Так спортсмен, привыкший к допингу, неизменно прибегает к нему, чтобы быть в форме перед ответственным выходом на арену.

Вика тупо смотрела на серые прогалы в середине альбома — они зияли, словно дыры на месте выпавших зубов. Недоставало двух фотографий, тех, где она красовалась с Ходжаняном и Званцевым.

Виктория, обламывая ногти, принялась лихорадочно тыкать пальчиком в клавиши своего сотового:

— Алло, Рубен! Катастрофа... У меня из

номера пропали фотографии... Ну, где мы с тобой, понимаешь? Знаю, что дура, но всего не предусмотреть... Я уверена, что снимки похитили люди Званцева. Как зачем? Да если эти фотки подбросить ментам, то нас тут же обвинят в сговоре, заподозрят в убийстве Жучинского! Всем нашим показаниям — грош цена! Придумай что-нибудь, Рубен...

Подполковнику Басову откровенно не нравился господин Ходжанян. Было в этом потасканном ловеласе из солнечного Закавказья что-то отталкивающее, если не сказать — отвратительное. Впрочем, отметил про себя Карлсон, женщинам такие типы безусловно импонируют: трехдневная щетина с проседью; густая, черная шевелюра, местами будто припорошенная снегом; роковой взгляд темных, глубоких глаз... Короче, все атрибуты классического сердцеда.

Однако утром следующего дня в кабинете Карлсона и Малыша на Петровке, 38, Рубен Григорьевич вовсе не выглядел суперменом, а его демонические глаза растерянно шарили вокруг.

— Нехорошо получается, гражданин Ходжанян, — тяжело отвечивал фразы подполковник. — До того нехорошо, что прямо-таки даже никуда не годится. Почему вы не

рассказали во время нашей вчерашней встречи о конфликте с главным тренером «Дружбы» Антоном Званцевым? Вы заставляете меня делать нелестные выводы о вашей персоне.

— Я просто боюсь его, поверьте, господин подполковник, — прижимал руки к груди Ходжанян. — Это страшный человек. О, Боже... Я чувствую себя виноватым в смерти Альберта, ведь это я всячески отговаривал его от партнерства со Званцевым. И вот результат... Этот спортивный магнат ни перед чем не остановится, и я уже не рад, что вообще ввязался в эту затею с лодочной станцией, строительством мотеля...

— Вы общались с тренером «Дружбы» после убийства Жучинского?

— Да, — упавшим голосом отозвался Рубен Григорьевич. — Он сам позвонил мне. Спросил, не изменится ли моя позиция в связи с трагическими событиями. Ведь теперь я единолично решаю, продавать или не продавать «Русалочку».

— Ну, а вы что ответили?

— Я сказал, что готов еще раз рассмотреть его предложения. А он, мерзавец, заявил, что отныне никакой речи о равноправном партнерстве идти не может, поезд ушел. Настаивает на полной продаже лодочной станции. И цену снизил на двадцать процентов по сравнению с первоначальной... Вы ведь защитите меня?

— Мы не охранное агентство, чтоб вы знали, — жестко отрезал Басов. — Могу лишь обещать найти заказчиков и исполнителей убийства вашего друга.

— Тогда уж и моего грядущего убийства, — невесело усмехнулся Рубен Григорьевич.

— Ну, если вам так угодно, можете и в этом случае на меня рассчитывать, — пожал плечами Басов. — Как там ваша подруга, Виктория Фирсова?

— Что? Ах да... Она в пансионате, отходит от пережитого.

— Ну, я не думаю, что происшедшее сильно испортит ей отдых, — бросил подполковник.

— Я просил бы вас, как мужчина мужчину, избавить Викторию от участия в следственном процессе, — тихо сказал Ходжанян. — Видите ли... Мы с Викторией состоим в браке, но только не между собой. У нее есть законный муж, у меня — жена в Ереване. Сами понимаете...

— Нет, не понимаю, — отрезал Басов. — Кстати, наверное, именно по причине вашего и мадам Фирсовой семейного положения, вы и скрыли от следствия, что знакомы уже довольно давно?

— Да, именно так, — не моргнув глазом, ответил Ходжанян.

— Вы пока свободны, но я вынужден взять с

вас подписку о невыезде, — сухо резюмировал подполковник.

На столе Карлсона зазвонил телефон, и подполковник сделал знак Малышу проводить свидетеля.

Когда Алексей вернулся в кабинет, Басов был мрачнее тучи:

— Дрянь дело, старина. Мне только что сообщили, что водолазы вытащили со дна водохранилища труп Николая Харина. Его опознала старуха-фермерша, хотя покойник был уже изрядно опухшим. И знаешь, у него на затылке такая же рана, что и у новопреставленного Альберта Жучинского.

Малыш, насупившись, молчал.

— Труп покоился в трех метрах от берега. А грузилом послужило то самое злополучное железное весло, которым убийца долбил по башке своим жертвам. Харина привязали к железяке, как затравленного волка, чтоб удобно было нести труп за концы весла. Выходит, убийц было как минимум двое.

— Что будем делать? — растерянно спросил Малыш.

— Есть одна мыслишка, — подполковник снял телефонную трубку и набрал номер. — Алло, соедините меня с господином Коцюбой...

Лицо Карлсона, бывшее до этого момента

хмурым, вдруг просветлело.

— Привет, Виктор, это Басов. Спасибо, спасибо... И я рад слышать тебя, дружище. Ладно, о жизни потом поговорим... Тут дельце есть. Да, серьезное. Давай встретимся в нашем с тобой любимом пивбаре. Через час? Идет.

Глава двенадцатая

За столиком под сводчатым потолком полуподвального помещения легендарного пивного бара, именуемого в народе «Погребком», Малыш чувствовал себя на редкость неуютно. Его, в отличие от завсегдатаев, не радовал неистребимый запах скисшего пива, и креветочный дух не грел сердце. Алексей лишь отметил про себя, что с тех пор, как он последний раз был здесь еще студентом, «Погребок» основательно преобразился. Теперь любители пива не теснились вокруг столиков, а сидели, вернувшись таким образом ко временам съемок культового фильма «Берегись автомобиля». Или, если угодно, к тем временам, когда Гиляровский мочил здесь в пивной пене свои усы, а Есенин сцепился с Маяковским из-за фасона галстука.

Басов и Коцюба совершенно не обращали внимания на Матушкина, они увлеченно предавались воспоминаниям о совместной службе в

МУРе. Поминутно осушаемые кружки сменялись полными, в глубоких тарелках росла гора кривоточных панцирей. Малыш вяло цедил свое пиво, и не впрок оно ему шло, ох, не впрок... Дело в том, что Алексея занимала одна тревожная мысль, а именно, придется ли самому оплачивать свою долю, или же Карлсон великодушно рассчитается за двоих, как это уже случалось не раз...

Как Малыш понял из разговора старых приятелей, Виктора Коцюбу несколько лет назад уволили из уголовного розыска по сокращению штатов. Довольно дико звучит, если учесть, что, например, отдел убийств постоянно испытывал нехватку квалифицированных оперативников. А Коцюба, вне всякого сомнения, был именно таким. В интонациях подполковника Басова звучало искреннее уважение к собеседнику, более того, выходило так, что Коцюба в свое время был чуть ли не наставником Карлсона.

— Так ты теперь, выходит, процветаешь на ниве частного сыска? — поинтересовался Басов, и Малышу показалось, что он уловил неприязненные нотки в дружелюбном тоне подполковника.

Коцюба отхлебнул пива и крикнул:

— Макс, ты же знаешь, чего мне стоило мое нынешнее благополучие, причем, надо сказать, весьма относительное. Пришлось поступиться некоторыми принципами, да и вообще...

— Ладно, я тебя учить жизни не собираюсь, ты сам ученый, — замял тему подполковник. — Каждый зарабатывает, как может. У меня ведь к тебе, Виктор Николаевич, просьбишка имеется.

Коцюба насторожился, и Карлсон убедился окончательно — его старый друг за то время, что они не виделись, сильно изменился. Уж не превратился ли он из верного товарища, всегда готового прийти на помощь, в прожженного, расчетливого дельца, для которого чистоган превыше всего? Похоже на то. Однако все же стоило попробовать...

— Понимаешь, дружище, в этом деле я могу положиться только на тебя. Не решился бы побеспокоить такого занятого человека, кабы не крайняя нужда.

Услышав эти вкрадчивые речи бывшего напарника, Коцюба совсем приуныл: вся его хохляцкая натура взбунтовалась при мысли, что придется кому-то оказывать благотворительную помощь. Даже если этот кто-то — твой старинный друг. Впрочем, иметь друзей в МУРе, да еще таких авторитетных, — это вам не хухры-мухры. Дорогого стоит...

— Выкладывай, — решительно кивнул Виктор Николаевич.

Слушая просьбу подполковника Басова, хозяин частного детективного бюро «Одиссей»

Виктор Коцюба прилагал титанические усилия, чтобы сохранить на лице невозмутимое выражение. А предлагал старший оперуполномоченный Максим Басов не что иное, как установить тотальную круглосуточную слежку за главным тренером футбольного клуба «Дружба» Антоном Званцевым, которого старина Макс подозревает как минимум в организации убийства солидного бизнесмена, в недавнем прошлом — довольно известного политического деятеля Альберта Жучинского.

— Понимаешь, Витя, — Карлсон отправил в рот жирную тушку креветки, — у меня таких возможностей, как у тебя, нет. В первую очередь — технических. Наш доблестный МУР просто не располагает необходимой аппаратурой для тщательно законспирированного прослушивания помещений, телефонных переговоров, не говоря уж о качественной скрытой видеосъемке. Это раз. Во-вторых, никто не даст мне санкцию на негласную слежку за таким влиятельным человеком, как Антон Званцев. Ты же помнишь, он еще не так давно возглавлял национальную футбольную сборную, то есть — этот человек наверняка плотно связан со спецслужбами. Тут одних моих подозрений будет недостаточно, а чтоб получить доказательства его вины, надо установить за ним слежку. В общем, получается замкнутый

круг... Так что, сможешь? Как ты догадываешься, оплатить твои затраты я не смогу. Считай, что это не в службу, а в дружбу. Хотя, конечно, дружба — понятие не коммерческое.

— Брось, Макс, — с напускной бодростью отозвался Коцюба. — Сделаю. Со временем ведь и мне может понадобится твоя помощь, тогда уж позволь, брат, напомнить тебе о моей нынешней услуге.

И бывшие сослуживцы заспорили, кому оплачивать посиделку. Каждый хотел выступить в роли «принимающей стороны». Неназойливые попытки Малыша поучаствовать в расходах Басов и Коцюба просто-напросто игнорировали. Наконец, подполковнику удалось настоять на своем — сумма счета была поделена между ними пополам.

Частный детектив объявил, что остается в «Погребке», у него, дескать, здесь назначена еще одна встреча. Распрощавшись с Коцюбой, оперативники двинулись на выход к свежему воздуху столичного центра. По сравнению с душной пивной центр мегаполиса и впрямь казался аэрарием.

Оставшись один, Виктор Коцюба в задумчивости глядел перед собой и барабанил пальцами по засаленному столу. Похоже, он ввязался в очень неприятную историю...

Детективу было совсем нетрудно выполнить

просьбу старого друга Макса. Дело в том, что вот уже пятый день, как его сыскное агентство «Одиссей» вело непрерывное скрытое наблюдение за главным тренером «Дружбы» Антоном Званцевым. Наблюдение по полной программе.

Глава тринадцатая

По лобовому стеклу «тойоты» секли мелкие капли дождя. Слушая мерный скрип «дворников», главный тренер и одновременно — президент московского футбольного клуба «Дружба» Антон Званцев подумал с мрачным юмором: «Дождичек в четверг... К деньгам!»

Что ж, приобретение базы отдыха «Русалочка» — дело считанных дней. Ходжанян деморализован убийством своего старшего компаньона и готов на значительные уступки. Развиваемся, Антон Евгеньевич, богатеем!

Его синяя «тойота» медленно, словно спотыкаясь, пробивалась сквозь запруженную машинами Тверскую к Ленинградскому шоссе. Были, конечно, у Званцева и другие авто, куда пристойней, но сегодня он инстинктивно стремился быть неприметным. Хотя и понимал, что это глупо. Облик Званцева, многократно растиражированный прессой и телевидением, был детально знаком не только миллионам «дружбанов» (так называли себя

болельщики клуба), но и вообще всем встречным-поперечным. Мясистое, вечно грустное лицо, уже слегка отяжелевшая, но все еще атлетическая фигура бывшего центрального полузащитника сборной — ну кто же не признает в этом человеке легендарного Антона Званцева!

Антон Евгеньевич вплотную пристроился к заднему бамперу серой «девятки» и тупо глядел в пространство, пережидая очередную задержку в движении. Когда вереница машин вновь тронулась с места, перед глазами тренера ненадолго возник номерной знак впередиидущего. И это заставило Званцева встрепенуться, вырваться из сплина: уж больно запоминающимся был номер, уж больно знакомым... Шестьсот шесть — почти три шестерки, знак антихриста. Но Антон Евгеньевич не был ни верующим, ни суеверным. Просто за последние дни он уже не раз видел серую «девятку» с таким номером — то позади, то впереди себя.

На Ленинградке стало свободнее, и возникло привычное для пловца ощущение, которое появляется, когда выныриваешь из морских глубин на поверхность. Серая «девятка» ушла вправо, туда, где денно и ночью пылали приторные огни казино. Званцев прибавил скорость и уже минут через пять подкатывал к центральному аэровокзалу. Здесь он купил билет на Барселону — авиакомпания «Трансаэро», вылет завтра в семь утра из

«Шереметьево-2».

Антон Евгеньевич слегка помешкал, раздумывая, не заехать ли домой, на Сокол, чтобы сменить «тойоту» на пятисотый «мерседес»? И отмахнулся от этой мыслию Детство какое-то, игра в шпионов... К тому же придется подниматься в квартиру за ключами от «мерса», волей-неволей общаться с женой. Не слишком приятная перспектива.

И вскоре Антон Евгеньевич, сверившись с картой, подъезжал к небольшому, но неожиданно приличному на вид отелю «Блиц», где уже забронировал на свое имя так называемый «суперлюкс». Поставил «тойоту» возле забитой машинами стоянки и взбежал по ступенькам в аккуратный холл. Часы показывали без четверти четыре — стало быть, несмотря на пробки, он прибыл на встречу за пятнадцать минут до назначенного срока.

Миленькая девушка-портье отреагировала на появление тренера «Дружбы» всем своим телом — вскочила со стула, как-то неуловимо изогнувшись... И в этом движении было столько желаний оставить в судьбе Званцева хоть самый крошечный след, что Антону Евгеньевичу даже стало немного не по себе. Детская радость читалась в ее карих глазищах, а в голосе слышался искренний восторг:

— Здравствуйте, господин Званцев!

Антон Евгеньевич критично окинул ее взглядом: ничего, все нормально. Есть чем потресть, как говорили в его родной деревне. И личико очень даже вполне — чуть вздернутый носик, маленькие бледные губки, светло-рыжие кудряшки волос. Что ж, пусть себе живет...

Тут Антоном Евгеньевичем овладел приступ озорства — уж не потому ли, что вспомнил деревенское детство? Взглянув на карточку портье, он решил окончательно добить девушку:

— Здравствуйте, Мариночка!

Не хватало еще только потрепать ее по щеке... Она, поди, и футбол-то ни разу не смотрела, ну разве что вынужденно, вместе с каким-нибудь очередным хахалем. Но какая ей разница, чем прославился мужик и откуда у него деньги? А ты, мой милый Антон Евгеньевич, знаменит, тебя показывают по телевизору, ты смотришь на бегущих по переходам метро людей с обложек глянцевого журналов. И все — женская половина человечества полностью принадлежит тебе.

Мог ли предполагать Антон Евгеньевич, что эта наивная в своих желаниях девочка за гостиничной стойкой уже сыграла в его жизни самую роковую роль?

— Вот ключ от номера, — опустила глаза Мариночка. И спросила детским голосом: — А

вы... один?

— Ровно в четыре я ожидаю гостя, — ответил Званцев довольно грубо. — Каргин Иван Захарович. Проводите его ко мне.

И быстро поднялся на второй этаж, к номеру, обозначенному в гостиничном реестре как суперлюкс. «Еще подумает, что я голубой!» — брезгливо поморщился тренер. Именно этой гаденькой мыслишкой и объяснялась неожиданная резкость в интонациях Антона Евгеньевича.

Собственно, никакого иного вывода у портье и возникнуть не могло: отель «Блиц» имел специфическое предназначение и соответствующую репутацию. Номера, по большей части недешевые, снимали главным образом проститутки и их клиенты, загулявшие мужья или жены, студенческие разнополюе компании (студент нынче пошел небедный), и так далее. Ну и, конечно, голубые. Причем оплатить можно было и за один-единственный час — видимо, потому-то владелец и придумал для своего отеля такое название. С намеком, видите ли...

На том, чтобы встретиться именно в отеле «Блиц», настоял Каргин, главный тренер уральского футбольного клуба «Обогатитель». По телефону они долго перебирали всевозможные варианты — рестораны, казино, дачи Званцева, расположенные вокруг Москвы... И всякий раз

чрезмерно осторожный Каргин по тем или иным причинам отклонял предлагаемую Антоном Евгеньевичем «точку». «Так давай сам называй место встречи! Знаток Москвы, блин...» — не выдержал Званцев. «А что? Есть славное местечко, — Званцев услышал, как хохотнул на другом конце провода тренер «Обогатителя». — Был я там разок с одной фифой... Народ спует туда-сюда, никто ничего вокруг себя не видит — в том числе и обслуга. То, что нужно. И номера — более-менее».

Номер был и вправду неплох — широченная кровать явно импортного производства, навороченный телефон-факс, неистертый ковер... Видеодвойка «Панасоник», на ней — ваза с цветами. И солидного вида холодильник-бар. Званцев машинально открыл дверцу агрегата и увидел разноцветные бутылки довольно высокого достоинства.

Антон Евгеньевич подошел к окну, распахнул тяжелые бордовые шторы. И обмер: прямо под ним, на стоянке, серой мышкой притулилась «девятка» с номером 606.

Глава четырнадцатая

Валька Шашнев, в прошлом неоднократно судимый вор-домушник по кличке Скрепка, был в

общем и целом благодарен судьбе за ее доброту к нему, «сирому и убогому». Совсем недавно казалось — и он уже смирился с этим — что вся его дальнейшая жизнь так и будет сплошной чередой кратковременного пребывания на воле и куда более длительных по времени сроков заключения. Но с полгода назад, аккурат на тридцать третьем году жизни (хорошее число!) ему сказочно подфартило: какой-то хохол подсел к Вальке в пивной на Столешниковом переулке и без обиняков предложил работать агентом в частном детективном бюро «Одиссей». Внештатным агентом, разумеется, поскольку, объяснил незнакомец, подобные фирмы якобы не имеют права принимать на службу человека с судимостью — а у Шашнева их уже четыре. Так что оплата будет сдельной — в зависимости от ценности добытых сведений.

Валька сразу согласился, и за шесть сумасшедших месяцев своей работы в «Одиссее» ни разу не пожалел о принятом решении. Ему в основном поручали следить за неверными женами и мужьями, чья вторая половина обращалась с такого рода заказами в детективное бюро.

Скрепка просто кайфовал, когда ему удавалось подловить какого-нибудь жирного барыгу на «левой» связи. А потом еще и деньжат получить от Коцюбы — такая вот смешная